

КОГО ПРИКАРМЛИВАТЬ?

Чем больше я смотрел на повестку дня мартовского годового собрания нашей АПМДГПР, тем больше радовался. Потому что всё там было именно так, как и должно быть: отчёт о работе, планы на будущее, выборы руководства и решимость провести следующий всемирный мебельный конгресс не где-нибудь вдали, а прямо у себя дома в Москве. Это вам не ФРГ какое-нибудь, где бедный Дирк-Уве Клаас прямо из себя на собраниях выходит, доказывая народу, что прежняя тактика развития для кризисных времён не подходит. И уж подавно не Штаты, где мебельщики до хрипоты спорят с правительством насчёт смысла возведения перед вьетнамцами антидемпинговых барьеров. Дескать, чего их возводить, когда наших инвестиций там в сто раз больше, чем вьетнамских. Короче, другие у них повестки. Нервные, на грани срыва, а главное – бог весть о чём. Нет, чтоб солидно настаивать на проведении мебельного конгресса в Вашингтоне, а они про какие-то там тактики развития спорят. Просто уму непостижимо.

Но кто меня больше всех по части повесток дня изумил, так это малайзийцы. Вот, как вы думаете, что их сейчас больше всего волнует? Падение доллара? Нет! Дороговизна нефти? Опять не угадали. То есть они за всё это тоже переживают, но ничуть не больше прочих тайцев и шведов. Тогда что же у них в повестках? Ох. Вы, конечно, будете смеяться, но, между нами, мебельщиками, говоря, они зациклились на гастарбайтерах! Причём не на том, что их слишком много, а на том, что их слишком мало. Представляете?! С этими гастарбайтерами они вконец достали своих министров: мол, надо, чтоб все разрешения на въезд и на продления пребывания рабочих бесплатно оформлялись прямо на предприятиях, а вовсе не покупались в консульских очередях. Министры ни в какую: без очереди – только через наш труп. И что вы себе думаете? Все они и впрямь уже трупы! Политические, само собой. Потому что как раз грянули выборы. После которых мебельщики, дружно проголосовавшие за экономические перемены, ликуют со страшной силой.

Я их спрашиваю: да на кой вам эти иностранцы сдались? Свои-то кадры куда подевались? Или, не дай Аллах, вымирают? – Какой там вымирают, – отвечают в мебельном совете MFIC, – население по полмиллиона в год растёт. Но только отрасль растёт ещё быстрее. Особенно теперь, когда она добилась повышения экспортных пошлин на кругляк, и производство получило обильный приток сырья.

Тогда, говорю, мне другое непонятно: раз уж гастарбайтеры так позарез нужны, то не всё ли равно, как им в цех попадать? Что с консульской визой, что с направлением отдела кадров – не один ли чётр? То есть, шайтан, конечно?

– Нет, – отвечают, – шайтан вовсе не один. Если филиппинцы или там бирманцы вместо того, чтобы стоять у станка, неделями бегают с пачкой банкнот за чиновником, доказывая, что они честные труженики, то общая производительность труда падает, и мы не

можем повышать зарплаты. Не можем повышать зарплаты – снижается конкурентоспособность отрасли. Снижается конкурентоспособность – казна начинает утрачивать прежние внешнеторговые доходы. Такая вот с этим шайтаном нехорошая цепочка выстраивалась.

Совсем иная цепочка возникает теперь, когда необходимость человека для производства будет определять сама отрасль, берущая на себя ответственность за то, чтобы срок его пребывания в стране зависел только от трудового контракта, и ни от чего другого. А чтобы я окончательно проникся этой их отраслевой философией, мне дали почитать старинную притчу из местного фольклора, которая там настолько популярна, что в предвыборные дни то и дело появлялась на страницах газет и в речах оппозиционных кандидатов. Вот она:

«Однажды вечером вождь племени даяков рассказывает своему маленькому сыну о великой битве, которая постоянно происходит внутри каждого человека, каждого племени и каждого селения. Эта битва ведётся между двумя невидимыми, но могущественными орангутангами. Один – очень добрый, другой – очень злой. Берёт верх добрый – и воцаряются радость, счастье, долгие годы всеобщего процветания. Берёт верх злой – и повсюду торжествуют несправедливость, страх, великие бедствия.

– И какой же орангутанг чаще всего побеждает? – затаив дыхание, спрашивает малыш.

– Тот, которого мы прикармливаем, – отвечает вождь».

Не знаю, как вам, а мне эта притча здорово понравилась. И, возвращаясь из Малайзии домой, я всё пытался понять, какого именно орангутанга прикармливает сейчас наша отрасль. Но ни шайтана, то есть теперь уже опять ни черта так и не понял. В наших спокойных повестках дня ни про каких таких орангутангов ни единого слова не говорилось. И гастарбайтеры у нас, в основном, только милицию волнуют, так что в мебельной отрасли с ними, надо думать, без проблем. А уж цепочка «очередь–производительность–зарплаты–конкурентоспособность–доходы казны» и вовсе отказывалась складываться по малайзийскому образцу. Не верите? Смотрите сами.

Начнём с очередей. Ну, рабочие у нас по консульствам, понятно, не толпятся, а стало быть и цеха не пустеют. Зато пустеют офисы: менеджмент непрерывно в бегах. Начальство то в налоговую сквозь пробки мчится, то в администрации пороги обивает, то днюет и ночует во всевозможных надзорных и регистрирующих инстанциях. С чего бы это, спрашивается, надо так долго тут и сям регистрироваться, если ещё в 2002 году наш славный экс-министр экономического развития Герман Греф заверил всех, что отныне для бизнеса любые регистрационные хлопоты сводятся к одному окошку? А если и в одно окошко некогда, то «законом также предусмотрена возможность подачи документов по почте». Казалось бы, сразу должна начаться райская грефская жизнь!

В марте 2008 года премьер-министр Зубков оценивает эту райскую жизнь так: «...необходимо пройти 23 инстанции, получить 23 согласования, и это растягивается на месяцы, иногда на годы». Правоту премьера подтверждает опрос членов Ассоциации менеджеров России: весной 2008 года они назвали коррупцию и административные барьеры главными факторами деструктивного влияния на бизнес.

Да, наши цеха, в отличие от малайзийских, не простаивают. Но трудно сказать, чья беготня по чиновным кабинетам наносит производительности больший урон – тамошних рабочих или тутошних руководителей? Правда, с производительностью я и вовсе в тупик зашёл: на российские отраслевые зарплаты она отчего-то никак не влияет! Кто бы куда в рабочее время ни бегал, наши зарплаты всё равно идут вверх такими темпами, что малайцев от них бы удар хватил. По данным официальной статистики, реальная заработная плата растёт у нас втрое быстрее, чем производительность труда (соответственно 15–18 % и 5–6 % за год)! И как я над Гималаями ни ломал голову насчёт загадки достижения такого прогресса в полном отрыве от производства, разгадать её мне, увы, не удалось. Тем не менее, факт остаётся фактом: в объявлениях о работе предлагаемые отраслью зарплаты уходят уже за 40–50 тысяч! Оно бы и слава богу, но, к сожалению, обязательным спутником роста доходов, не подкреплённых ростом производительности, всегда бывает раскрутка инфляции. Или у кого-то есть другое мнение?

Ясно, ПОЧЕМУ растут зарплаты: чтобы не утратить конкурентоспособность отрасли на рынке труда. Неясно, ЗА СЧЁТ ЧЕГО они растут. Компенсирующего снижения прочих ингредиентов себестоимости даже в помине нет: цены на аренду, на оборудование, на практически все комплектующие растут не хуже зарплат, что же до тарифов энергетических и транспортных монополий, то всё тот же премьер Зубков ничуть не преувеличил, заявив, что «Чубайс и все организации оборзели полностью. Ни ФАС и никто не контролирует их работу».

Поскольку отраслевыми алмазными копиями мебельщики пока ещё не обзавелись, то (пролетая уже над Ираном) я предположил, что их зарплаты растут либо за счёт удорожания конечной продукции, либо за счёт экономии на инвестициях в производство. Но даже школьнику известно, что это прямой путь к потере покупателей. Особенно прямым он становится в условиях глобального рынка, который сам приходит к тебе, даже если ты на него не слишком рвёшься. И это уже происходит. После ряда лет позитивных внешнеэкономических итогов число стран, где Россия имеет преимущества своего экспорта над чужим импортом, начало быстро возрастать. Ещё год назад их было всего 19, сейчас уже 24, причём среди них есть и такие страны, с которыми у нас всегда был положительный торговый баланс: Германия, Китай, США. Потоки нашего бесценного (другого уже никогда не будет!) сырья более не в состоянии уравнивать экспансию импорта!

Получалось, что в самом последнем звене российской экономической практика всё-таки совпала с «нехорошей малайзийской цепочкой»: наша казна тоже начинает утрачивать прежние внешнеэкономические

доходы. Мысль о том, что зато у нас нет проблем с гастарбайтерами, утешала меня до самого Чёрного моря, над которым я прочёл в прихваченном февральском номере Timber Malaysia прогноз, где упоминалась и моя страна: «Пора работать над решением неизбежных проблем глобальной конкуренции за привлечение иностранного труда с такими серьёзными соперниками, как, например, Россия, которой за ближайшие 20 лет понадобится ввезти из-за рубежа не менее 15 миллионов рабочих».

Слушайте, раз уж нас считают серьёзными соперниками, то не заняться ли и нам заблаговременным решением неизбежных глобальных проблем? Между нами, мебельщиками, говоря, заодно можно было бы решить и вопрос с двумя орангутангами – кого из них впредь подкармливать всем нашим мебельным сообществом? Производство или бюрократию? Рынок или коррупцию? Монополии или малый бизнес? Ведь сделали же свой выбор наши малайзийские коллеги – чем мы хуже? И вдруг меня осенило: а что если как раз ради такого выбора мы и собираемся созывать у себя в Москве Всемирный мебельный конгресс? Это было бы просто замечательно, это открыло бы перед нами такие перспективы, что...

Тут-то и объявили посадку.

Р. Горчаков

